

УДК 94(4) 375/149

**К ВОПРОСУ О ПЕРЕЖИВАНИИ РОДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ
В ПЕРИОД РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**
(на примере концептов *germanus*, *frater* и *fraternitas*
в исторических сочинениях Григория Турского,
Беда Достопочтенного и Павла Диакона)

© 2015 г.

Ю.Е. Вершинина, А.Н. Маслов

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

eowynfar@gmail.com

Поступила в редакцию 01.06.2015

Рассматриваются основные термины, передающие степень кровного и духовного родства *брат* с целью выяснения особенностей их употребления и функционирования в текстах «Истории франков» Григория Турского, «Церковной истории народа англвов» Беда Достопочтенного и «Истории лангобардов» Павла Диакона. На основе статистического анализа авторами уточняется семантика данных терминов в указанных произведениях. С помощью контекстуального анализа обсуждаются особенности конституирования и переживания братских связей в период раннего европейского Средневековья.

Ключевые слова: восприятие родства, братство, раннее Средневековье, Григорий Турский, Беда Достопочтенный, Павел Диакон.

Во все времена и во всех типах обществ родство играло важнейшую роль в организации социальной жизни. В средневековом мире наиболее полно в жизни индивида были представлены родственники из непосредственно предшествующего (мать, отец, дядя) или одного с ним поколения (брат, сестра). Концепция отношений, передаваемая термином *братство*, являлась одной из самых востребованных в период раннего Средневековья. Задача данной статьи – выявление особенностей восприятия братских связей в светской среде и у духовенства на территории «германских» королевств в отражении нескольких нарративных памятников эпохи.

В качестве источников были выбраны крупнейшие исторические сочинения периода раннего Средневековья – «История франков» Григория Турского, «Церковная история народа англвов» Беда Достопочтенного и «История лангобардов» Павла Диакона. В плане происхождения наши источники связаны с регионами формирования важнейших варварских королевств, – при том, что писатели представляют территории с различным уровнем романизации и являются выходцами из разных социальных слоев. Это позволяет нам, с одной стороны, составить довольно полное представление о характере восприятия братских отношений, а с другой – выявить соответствующие особенности каждого текста. Оговоримся, что ниже нас будут интересовать главным образом восприятие отношений братства между мужчинами, – переживание братско-сестринских связей является предметом от-

дельного исследования и может быть освещено в рамках еще одной публикации.

Начнем рассмотрение обозначенной проблематики с вопроса о терминологии. В первую очередь нами будет проанализировано использование терминов *germanus* и *frater* для указания только на кровное родство, затем – на родство как кровное, так и духовное, последними мы рассмотрим случаи соотносительности концептов *брат* и *братство* исключительно с духовным родством¹. Далее будут исследованы контексты, в связи с которыми наиболее часто упоминается степень родства *брат*. Завершающая часть статьи посвящена сравнительному анализу восприятия братских отношений в светской и духовной среде на основе сопоставления трех вышеназванных текстов.

Анализ терминологии

В наших источниках встречаются два термина, передающие степень кровного родства *брат*. Первый из них – *germanus* – в классической латыни имел значение «(родной) брат» [4, р. 762; 5, с. 347]. По всей видимости, в период раннего Средневековья он использовался не очень широко: в качестве термина родства слово *germanus* в рассматриваемых нами произведениях зафиксировано только у Григория Турского и Павла Диакона². Заметим попутно, что и в современных романских языках производных от этого термина, насколько нам известно, тоже не встречается³.

Исидор Севильский в своих «Этимологиях», объясняя значение слова *germanus*, подчеркивает, что в восприятии большинства [1, с. 535–548] так назывались единоутробные братья – «те, что от одной и той же матери (*genetrix*)» [1, с. 535–548]. Однако у Григория Турского в функционировании данного термина мы не находим следов «родства по матери», на которое чуть позднее указывали «Этимологии»⁴. Единственным «женским следом», связанным с упоминанием *germanus* в «Истории франков», можно считать рассказ о детях монахини Инготруды, основательницы монастыря в Туре [9, р. 451–452]. Во-первых, из двух родителей называется только мать, сведения об отце отсутствуют. Во-вторых, это единственная пара «брат – сестра», которая упоминается в связи с данным термином.

Одной из причин подобной метаморфозы, на наш взгляд, может служить влияние германской традиции. Исходя из сведений, содержащихся в «Истории франков» и в некоторых иных источниках, можно предположить, что после повторного замужества женщины ее дети от первого брака с ней зачастую не проживали, оставаясь среди родственников отца⁵. Таким образом, востребованность указаний на единоутробных братьев и сестер снижалась. Это предположение позволяет поставить вопрос об интенсивности ассимиляции германских традиций галло-римской частью общества и о политической ориентации самого Григория Турского, поскольку термин употребляется по отношению и к галло-римлянам, и к германцам.

С использованием Григорием Турским данного термина связан еще один примечательный аспект: в прямой речи героев «Истории франков» они называют своих братьев словом *germanus*⁶. Интересны причины, по которым именно оно было выбрано в качестве более приемлемого в случаях с речами. Возможно, в разговорной латыни термин *germanus* употреблялся чаще, чем в классической/письменной традиции, и, используя его при передаче прямой речи, автор «Истории франков» сообщал ей «максимально достоверное звучание» [10, с. 338]⁷. В пользу этого довода косвенно свидетельствуют как относительно редкое употребление термина «римлянином» Григорием Турским, так и более частое его упоминание в «Истории лангобардов», автор которой – Павел Диакон – происходил из среды германской аристократии⁸. Кроме того, выбор *germanus* в качестве основного термина для обозначения степени родства мог быть продиктован желанием отделить «кровных» братьев от братьев «духовных», обозначавшихся термином *frater*⁹. Последнее хорошо просле-

живается в рассказе об аббате Аредии: его кровного брата Григорий Турский называет именно *germanus*, желая отделить от братии монастыря [9, р. 447–448]¹⁰.

Характерной для «Этимологий» трактовки термина мы не обнаружим и в «Истории лангобардов». Хотя для некоторых групп, чье родство описано с использованием слова *germanus*, нельзя абсолютно точно утверждать происхождение от одних и тех же отца с матерью, для большинства может быть совершенно четко установлено, по крайней мере, общее отцовство¹¹. Таким образом, стоит предположить, что этот термин в «Истории лангобардов» не обязательно отсылал к явлению единоутробности.

В сочинении Павла, впрочем, в связи с термином *germanus* чаще, чем у Григория Турского, упоминаются женщины – матери, сестры, дочери. Возможно, этот факт является отражением особого положения женщины в лангобардском обществе, более тесной связи между мужчиной, его матерью и сестрами (как пережитка матриархата) [14, р. 51]. По-видимому, «римская» этимология, актуальная для Исидора Севильского, отчасти коррелировала с тем пониманием слова, на которое опирался Павел Диакон, будучи лангобардом по происхождению. Другое отличие в использовании латинского *germanus* автором «Истории лангобардов» – почти полное отсутствие в связи с ним упоминаний о духовных лицах. Фактически, единственный священнослужитель, по отношению к которому используется данное слово, – это сам Павел Диакон [15, р. 131–132].

Вторым словом, которое гораздо чаще используется в рассматриваемых нами «Историях» для обозначения степени родства *brat*, является *frater*¹². В классической латыни оно имело значения: 1) сын того же отца или матери; (мн. числ.) брат и сестра; 2) сын дяди, двоюродный брат (со стороны отца); 3) обращение к сверстнику; эвфемизм для партнера в гомосексуальных отношениях; 4) член религиозной коллегии [4, р. 731; 5, с. 335]. Исидор Севильский считал, что словом *fratres* обозначаются те, кто родился «от одного и того же семени (*germen*)... лишь эти последние зовутся братьями (*fratres*)...» [1, с. 540]. Для Григория Турского и Павла Диакона значение, указанное в «Этимологиях», вроде бы является основным¹³. Однако в «Церковной истории» *frater* в 57% случаев употребляется для обозначения *духовного родства между верующими* (популярность такого понимания братских связей отражена во многих словарях, включая и знаменитый «Глоссарий» Дюканжа [16, р. 594]). В «Истории франков» и «Истории лангобардов» слово *frater*

также встречается в этом последнем значении, но значительно реже: только в 20% случаев в каждом из текстов. Таким образом, можно отметить, что среди значений слова на первый план выходят два основных: указание на степень родства *brat* (оно было основным и в классической латыни), и значение «член религиозной корпорации» («духовный брат»), в котором ранее слово использовалось довольно редко.

В связи с многозначностью термина в рассматриваемых нами произведениях авторы иногда подвергают его градации, используя дополнительные определения *senior/puerulis* и *germanus frater* [9, p. 239; 17, p. 129, 135; 18, p. 120, 122, 438, 442, 446]. Кроме того, однажды Григорий Турский использует оценочное прилагательное *malesuadus* [9, p. 283]. Впрочем, подобные разграничения достаточно редки. Это позволяет предположить, что между собой братья воспринимались как равные: ни возраст, ни порядок рождения не давал кому-либо из них принципиальных преимуществ перед другими¹⁴.

Концепт духовного братства также передается в рассматриваемых произведениях двумя терминами. Основным для всех трех авторов является термин *frater*. Подобно кровному братству, братство духовное может оттеняться с помощью ряда эпитетов. По отношению к духовным братьям применяются прилагательные *dilectissimus / dilectus*, *karissimus / carissimus*, *reuerentissimus*, *sanctissimus / sanctus*, *communis*, *senior*, *iunior*. Прилагательные *dilectissimus / dilectus*, *reuerentissimus*, *sanctissimus / sanctus*, *communis* встречаются и в письмах, цитируемых в «Церковной истории» Беда, и в прямой речи, передаваемой Григорием Турским [9, p. 47, 275; 17, p. 104–106, 154–160, 162, 170, 240–244, 304–308; 18, p. 34, 170]. При обращении их используют апостолы, папы римские и аббаты, – при этом, по всей видимости, какая-либо иерархия здесь отсутствовала. Прилагательные *senior* и *iunior* отражают возрастные различия среди монахов одной обители, но во фрагменте текста, в котором они содержатся, отсутствует информация о какой-либо иерархии среди братьев монастыря, основанной на возрасте. В целом же, дополнительные определения по отношению к «духовным братьям» используются чаще, чем в случае с кровными родственниками.

Нам известно, что в посланиях священнослужителей, приводимых Бедой Достопочтенным, в качестве обращения «брат» используется термин *fraternitas*. В классической латыни слово имело значения «братские отношения, братство, община» [4, p. 731; 5, с. 335]. Среди дополнительных смыслов, приобретенных им в Средние века, встречаются значения «религиозное брат-

ство» и «монашеская конгрегация» [16, p. 452; 21, p. 598–600]. В подобном качестве термин мог выступать как аналог *germanus* в обращениях светских лиц, конституируя единство группы священнослужителей. Кроме того, слово *fraternitas* могло использоваться как синоним *frater*, поскольку во всех случаях он встречается после употребления этого второго термина. В то же время в рассматриваемом нами произведении термин никогда не используется в отрыве от цитируемых текстов. *Fraternitas* встречается в «Церковной истории» в общей сложности 14 раз, и все его употребления не являются самостоятельными: они находятся в переписываемых Бедой письмах римских пап Григория I и Бонифация V отдельным епископам [17, p. 104, 154, 240; 18, p. 170]. Судя по тому, что термин обнаруживается только в письмах римских пап, которые занимали кафедру в течение одного поколения, и наш автор не использует обращение *fraternitas* вне цитируемых фрагментов, можно предположить, что такое его использование не рассматривалось в качестве общеупотребительного. Разумеется, подобного рода гипотезы нуждаются в проверке на более обширном источниковом материале.

Контексты упоминаний о братских отношениях¹⁵

Итак, в большинстве случаев для передачи концепта кровного и духовного братства в рассматриваемых нами «Историях» используется слово *frater*. Одной из основных функций употребления термина *frater* в трех латинских текстах можно считать функцию идентификации. В традиционных обществах на заре Средневековья упоминание о родственных связях было зачастую единственным адекватным способом ответа на вопрос «кто этот человек?». Кроме того, указания на братские связи / наличие братьев нередко помогали авторам в создании единой картины событий, при объяснении причин и следствий того или иного поступка либо при его оценке (описаниях реакции на этот поступок со стороны конкретных индивидов и групп).

Сложные определения с *frater* (т.е. определения, которые включают более чем одну степень родства) фиксируются, главным образом, у Григория Турского и Павла Диякона (табл. 1).

В «Церковной истории» Беда Достопочтенного подобное сложное определение встречается всего один раз. Основным же их видом выступает конструкция «X брат Y» («X frater Y») [17, p. 226, 392, 432, 436, 445, 450, 486, 490; 18, p. 164].

Достаточно часто *frater* используется и для манифестации положения конкретного человека

Таблица 1

«История франков»	«История лангобардов»
«...Ведь у меня, по грехам моим, никого не осталось из моего рода, кроме одного тебя, сына моего брата...» [20, с. 209]	«...к Хильдеберту, который был его племянником от брата...» («...ad Childebertum, qui ei nepus ex fratre erat...») [15, p. 112]

Таблица 2

«...я узнал от упомянутого аббата Альбина в передаче Нотельма...» [23, с. 6].	«...Еще я узнал от братии монастыря, называемого Лестингей, как стараниями его основателей, святых отцов Кедда и Хада...» [23, с. 6] ¹⁷ .
---	--

Таблица 3

«...Преподобнейшему и святейшему брату нашему, епископу Этерио – Григорий...» [23, с. 28] ¹⁸ .	«... Любимейшему сыну аббату Мелиту – Григорий...» [23, с. 39].
---	---

в церковной иерархии. Поскольку основной коннотацией термина, как в церковной доктрине, так и в светском восприятии, является «равенство», то употребление тем или иным автором соответствующих определений позволяет им обозначать и свой собственный статус. Так, Григорий Турский и его коллеги-епископы называют друг друга «братьями»: «я и мой брат епископ Меровой» [9, p. 454]. Беда Достопочтенный реже именует епископов «братьями» и обращается так, в основном, к монахам¹⁶ (табл. 2).

Кроме того, папа Григорий I в своих письмах называет братьями епископов, а к Мелиту, аббату монастыря Петра и Павла в Кентербери, обращается как к «сыну» [17, p. 160] (табл. 3).

Среди событийных контекстов, в которых упоминаются кровные и духовные братья, наиболее важными в рассматриваемых нами произведениях являются темы смерти, конфликта и наследования. Не секрет, что для автора «Истории франков» бóльшая часть смертей кого-то из *fratres* связана с убийством в ходе борьбы за власть. При этом сами братские отношения часто акцентируются для определения причин того или иного преступления. В целом, факты братоубийства прямо не осуждаются в «Истории франков»: лишь в одном случае Григорий Турский передает слова епископа Германа Парижского, который возвещает королю Сигиберту смерть в случае покушения на жизнь брата Хильперика (слова Германа, впрочем, никак не влияют на решение Сигиберта [9, p. 188]). Возможно поэтому, что убийство братом брата подается у Григория Турского как привычный для франков элемент политического соперничества.

Интересно, что в случае с использованием слова *germanus* в «Истории франков» тема смерти является преобладающей, хотя конкретные обстоятельства могут сильно различаться:

брат Григория Турского был убит [9, p. 200–203], король Сигиберт, брат короля Гунтрамна, пал от божественного правосудия [9, p. 328–329], другой его брат Хильперик был убит [9, p. 374], своей смертью умер брат аббата Аредия [9, p. 522–525]. В трех из четырех сообщений на эту тему присутствует мотив мщения за убийство и убийства в качестве отмщения с отсылкой к «божественному правосудию» («*Dominus praestiterit ultionem*», «*iudicium Dei*») [9, p. 202, 329] или кровной мести. В связи с последней термин *frater* используется и Григорием Турским. В «Истории франков» лишь однажды описывается реакция героя на известие о смерти брата [9, p. 328], однако в трех сообщениях речь идет о кровной мести за убийство, осуществляемой братом убитого [9, p. 339–340, 365–368]. Упоминание термина *germanus* Павлом Диаконом в связи со смертью также имеет отношение к явлению кровной мести [15, p. 57–59, 61–62, 153].

Можно предположить, что мщение убийце в качестве главного наказания прочно утвердилось среди современников Григория Турского. Хотя автор «Истории франков» и осуждает короля Гунтрамна за желание исполнить кровную месть, он, тем не менее, указывает на невиновность обвиняемого и недостойную жизнь его брата Хильперика [9, p. 374]. Сам концепт мести в качестве наказания Григорием не отрицается, хотя в качестве священнослужителя автор «Церковной истории» и предпочел бы отдать исполнение приговора в руки Бога. Братоубийство в понимании писателя VI столетия не осуждается большинством и вызывает сожаления только у представителей церкви. С другой стороны, убийство брата третьим лицом требует наказания в виде кровной мести. Обыденность кровной мести, впрочем, вряд ли должна рассматриваться как свидетельство особых эмо-

циональных отношений, существовавших между братьями. Речь скорее может идти о недопустимости попрания собственно фамильной чести: убийство одного из братьев, демонстрируя его слабость, ставит под сомнение доблесть другого. Подтверждением такой трактовки может служить и рассказ Павла Диакона о сыновьях герцога Форума Юлия Гизульфа, которые считали более уместным убить своего младшего брата, нежели позволить ему стать рабом [15, p. 129–130].

Одним из источников иного понимания отношений между братьями могло выступать христианское учение, восприятие которого разными варварскими народами подчас сильно различалось. В «Церковной истории» Беда – автора, наиболее расположенного к прославлению новых реципиентов божественной истины (т.е. англосаксов), – содержатся детали, которые свидетельствуют о возможности предотвратить кровную месть. Хотя в единственном рассказе о борьбе за власть между братьями Беда Достопочтенный характеризует братоубийство как «предательское» [17, p. 62–64], он дважды упоминает о предотвращении кровной мести благодаря вмешательству священнослужителей [18, p. 118–125]: если институт кровной мести и продолжал функционировать у англосаксов, то церковь уже вмешивалась в эту сферу.

Термин *frater*, используемый по отношению к духовным братьям, также встречается в описаниях смерти. Впрочем, мы не находим сообщений об убийстве друг друга верующими собратьями. В духовной среде встречается совершенно противоположное отношение к смерти собрата. Применительно к монашеству смерть изображается Григорием Турским и Бедой Достопочтенным как повод для единения или демонстрации подлинной привязанности к умершему. Так, епископ Брикаций отправляется в путь среди ночи, чтобы попасть на похороны своего собрата Арменция [15, p. 38]. В «Церковной истории» духовные братья не только делят момент смерти и покаяние, но и место погребения [17, p. 404–412; 18, p. 14–29, 46–48].

С охарактеризованным выше контекстом тесно связана и более общая тема конфликтов/соперничества между братьями¹⁹. Интересно, что ситуаций конфликтного противостояния между духовными *fratres* ни один из авторов не описывает. Основным же типом соперничества, в которое вовлечены кровные братья, являются опять-таки ссоры по поводу власти. В «Истории франков» в сообщениях, связанных с данной тематикой встречается только термин *frater*. Павел Диакон использует также и термин *germanus* [15, p. 182–183]. Наиболее часто кон-

фликты между братьями описываются в «Истории франков», при этом единственными их участниками выступают братья-короли, что соответствует политической ситуации во франкском королевстве. Интересно отметить, что Григорий Турский избирательно интерпретирует подобные конфликты: одни никак не комментирует, другие осуждает, третьи поддерживает, считая справедливыми. Так, например, он не дает какой-либо оценки усобицам между королем Торисмондом и его братьями, между королем Гундобандом и его братом. Причиной подобного «равнодушия», возможно, служит вероисповедание участников конфликтов (готы и бургунды были арианами)²⁰. В случае с королями бургундов автор «Истории франков» осуждает «коварство» (лат. *dolum*) в ведении войны [9, p. 79], но в то же время почти оправдывает убийство Годегизила «в церкви еретиков, где он укрылся, с арианским епископом» («*ad ecclesiam hereticorum confugit ibique cum episcopo Arriano interfectus est*») [9, p. 81]. Напротив, конфликт короля тюрингов Герменефреда с братом Бадерихом Григорий Турский характеризует как «гражданскую войну» (лат. *bellum civile*) [9, p. 100], в конце которой даже между союзниками возникает «сильная вражда» (лат. *grandis inimicitia*) [9, p. 100]. Хотя причиной войны, как и в предыдущих случаях, является борьба за власть, на этот раз его инициатором выступила «злобная и жестокая» (лат. *iniqua atque crudelis*) жена Герменефреда [9, p. 100]. Возможно, именно ее участие послужило дополнительным стимулом для открытого осуждения писателем.

В вопросе о конфликтах между франкскими королями автор «Истории франков» может быть и более категоричным, – он, в частности, открыто осуждает их в предисловии к V книге: «...Но что еще хуже, мы уже видим, как в наше время сбываются предсказания Господа о начале бедствий: “Восстанет отец на сына, сын на отца, брат на брата, ближний против ближнего”» [20, с. 115]²¹. Выказывая в целом негативное отношение к конфликтам между родственниками, Григорий Турский не прочь саркастически принизить тех зачинщиков, которые не добиваются успеха: «...Но Хильдеберт, видимо, забыл, что сколько бы раз он ни выступал против своего брата, он всегда уходил посрамленным...» [20, с. 91]. Кроме того, подчас Григорий выступает против зачинщика междоусобиц, даже если такой выпад не соответствует его собственной политической ориентации. Например, в войне короля Сигиберта и Хильперика, епископ, хотя его политические симпатии и лежат на стороне первого из братьев, тем не менее, фактически объявляет его виновным в соб-

ственной смерти, – несмотря на то, что в действительности убийство было организовано королевой Фредегондой (о чем сам же автор «Истории франков» и сообщает) [9, р. 187–190]. Как и в случае с королями Герменефредом и Бадерихом, конфликт между королями Сигибертом и Хильпериком называется «гражданской войной» (лат. *bellum civile*) [9, р. 185]. С другой стороны, среди междоусобиц сыновей Хлотаря I автор «Истории франков» выделяет конфликты «справедливые», инициаторов которых он даже поддерживает. Так, король Гунтрамн, выступая против своего брата Хильперика, возлагает надежды на Бога [9, р. 163–166].

В отличие от сочинения Григория Турского, в «Истории лангобардов» мы встречаем только один рассказ о распрях между кровными братьями²². При этом Павел Диакон объясняет конфликт между королями Годопертом и Пертари внешними обстоятельствами – «подстрекательством дурных людей» (лат. *facientibus malignis hominibus*) [15, р. 138], т.е. пытается изобразить его как чуждый природе братских отношений. Сама ситуация вражды резко осуждается Павлом, по выражению которого королевство лангобардов «расточается двумя братьями-юнцами» (...*Langobardorum regnum, quod adulescentes germane dissipabant...*) [15, р. 138]. Таким образом, восприятие конфликта между братьями у Григория Турского и Павла Диакона (хотя позиция этого второго автора из-за недостатка материала и не может быть однозначно истолкована), возможно, определяется разными подходами.

Основным же мотивом, в связи с которым упоминаются и родные, и духовные братья, является в наших источниках мотив взаимопомощи и сотрудничества. Последнее играет важную роль для концепта братства по вере. Так, согласно тексту Григория Турского, на просьбу блаженного диакона Стефана к святым Петру и Павлу спасти от разорения город Мец (где покоятся его останки), апостолы обещают спасти его часовню [9, р. 47–48]. Архидиакон Аэций угрожает епископам: «...никто не будет считать вас за святителей божиих, если вы уроните свое достоинство и допустите гибель собрата...» [20, с. 129]. В «Церковной истории» Беда один из братьев Хагустальденской церкви выполняет просьбу своего заболевшего брата принести ему частицу креста с Хэвенфельдского поля, на которое тот отправляется [17, р. 328–333]. Забота может осуществляться и по инициативе того, кто ее проявляет. Епископ Магнерих Трирский не только сам добивается свидания с опальным епископом Марселя Теодором, чтобы оказать ему моральную поддержку, но и передает ему

необходимые вещи. Кроме того, после этого он долго молится, «чтобы брат удостоился помощи Господа» [9, р. 378–379]. Таким же образом поступает и некий монах из монастыря Барденей, по своей инициативе давая совет молодому послушнику, как излечиться от лихорадки [17, р. 382–386]. Отшельнику Кутберту братья помогают обустроиться на новом месте [18, р. 172–180].

Взаимопомощь довольно часто фигурирует и применительно к отношениям кровных братьев. Григорий Турский приводит слова короля Хлодвига, который ставит в вину Рихару неоказание помощи брату, королю Рагнахару. Однако точно так же, как и в случае с кровной мстью, решающим значением обладает не эмоциональная привязанность, а вопрос о родовой чести: «...он сказал ему: “Зачем ты унижил наш род тем, что позволил себя связать? Лучше тебе было бы умереть”... затем, обратившись к его брату, сказал: “Если бы ты помог своему брату, его бы не связали”...» [20, с. 58]. Единственный упоминаемый в «Истории франков» случай взаимопомощи между братьями, которые не являются королями, демонстрирует подобные же интонации. От расправы со стороны королевы Фредегонды Нектария спасает заступничество брата Бодегизила, бывшего майордома короля Хлотаря I [9, р. 336–337]. Его поступок мог быть мотивирован желанием защитить родовую честь, о которой говорил король Хлодвиг²³.

Братская взаимопомощь не обязательно понимается (и подается) Григорием Турским в качестве безвозмездной: король Теодорих, к примеру, призывая на помощь в борьбе с тюрингами своего брата Хлотаря I, обещает ему часть добычи [9, р. 103–106]. Материальный интерес, по всей видимости, лежит и в основе требований дружины Теодориха – его присоединения к братьям в походе на Бургундию [9, р. 107–108]. Даже спасая свою сестру из рук жестокого мужа, король Хильдеберт не забывает прихватить с собой сокровища последнего в качестве «платы» за помощь сестре [9, р. 106–107].

Взаимопомощь между братьями в «Церковной истории» и «Истории лангобардов» представляется более бескорыстной, чем в «Истории франков». Беда Достопочтенный описывает ситуацию, в которую оказываются вовлечены родные братья Кинебилл и Кедд, являвшиеся к тому же священнослужителями. Священник Кинебилл не только бескорыстно помогает своему брату, епископу Кедду, но делает это «охотно» (лат. *libenter*) [17, р. 444]. В «Истории лангобардов» Альдо, придворный короля Алахиса, при угрозе его жизни со стороны короля, также обращается за помощью к брату, вместе с

Таблица 4

«...После совершенного убийства Хлотарь сел на коня и уехал, нисколько не думая об убиении племянников; равно и Хильдеберт удалился из города. ...» [20, с. 73];	«...А королева положила тела детей на погребальные носилки и с душераздирающим стенанием следовала за ними в сопровождении большого хора певчих до базилики святого Петра, где и похоронила их обоим...» [20, с. 73].
--	---

которым они организовали заговор против узурпатора [15, р. 158–159].

Таким образом, сообщения о братской взаимопомощи привносят в разговор о восприятии кровного и духовного родства некоторые дополнительные оттенки. В случае с духовными братьями поддержка оказывается без всякого принуждения и безвозмездно, подчас – по инициативе того, кто помогает. Кровные же братья, если судить преимущественно по «Истории франков» (сведения Беда и Павла на ее фоне выглядят фрагментарными), кровные братья обращаются друг к другу за помощью, главным образом, в случае военной опасности. При этом основными стимулами помощи родственникам выступают защита родовой чести и материальная выгода.

Говоря о ситуациях *сотрудничества* (совместного воплощения разнообразных групповых замыслов) между братьями, стоит заметить, что в «Истории франков» все они связаны, так или иначе, с военными действиями. При этом довольно часто, объединяясь с одним из братьев, герой противостоит другому брату, стремясь отвоевать земли и власть. Наиболее показательны в этом отношении совместные действия королей Хильдеберта и Хлотаря по организации убийства сыновей их брата Хлодомера. Хотя в целом Григорий Турский редко дает оценку действиям франкских правителей, в данном сообщении он подчеркивает бессердечие дядьев, сравнивая его с горем бабушки детей, королевы Хродехильды (табл. 4).

Осуждения Григория устаиваются и братья-епископы Салоний Амберский и Сагиттарий Гапский, которые совместно участвовали в военных действиях [9, р. 134].

В «Церковной истории» Беда Достопочтенного единственное известие о совместном деянии братьев также имеет негативные коннотации: здесь братья-язычники сообща убивают короля-христианина [17, р. 438]. Несколько шире выглядит спектр совместных действий кровных братьев в «Истории лангобардов». Они также участвуют в военных действиях, но под началом короля [15, р. 185]. Кроме того, братья вместе основывают монастыри, спасаются от опасности, путешествуют [15, р. 178–179]. В целом, в рассматриваемых нами «Историях» довольно часто упоминаются братья-соправители. При этом в «Истории франков»

совместное правление братьев практически всегда заканчивается военными конфликтами между ними, а в «Церковной истории» и «Истории лангобардов» оно, как правило, не влечет подобных последствий. Что касается духовных братьев, то их взаимодействие характеризуется гораздо большей интенсивностью. В случае с монастырской братией эта интенсивность дополнительно акцентирована многочисленными сообщениями о практиках совместного проживания, приема пищи, молитв и чтения, путешествий, участия в религиозных праздниках и миссионерской деятельности. Пренебрежение регулярным общением с духовными собратьями может восприниматься крайне отрицательно. Так, Григорий Турский пеняет блаженному Сальвию, что в качестве настоятеля тому следовало проводить больше времени с братьями-монахами [9, р. 323–327].

Наконец, еще одна группа сообщений, в рамках которых регулярно вводится указание на братские связи, соотносится с темой *наследования*. В этом контексте упоминаются только кровные братья, – при том, однако, что нашими авторами иногда описываются случаи наследования между священнослужителями, являвшимися кровными родственниками. Передачу имущества и пастырских обязанностей этими последними и Григорий Турский, и Беда Достопочтенный описывают как вполне мирную процедуру. Однако если для Беда подобный переход выглядит скорее обычным делом (и не маркируется какими-то особыми деталями), то для турского епископа аналогичная ситуация может требовать дополнительного подкрепления известием о божественном вмешательстве²⁴ (табл. 5).

В случае наследования между кровными братьями-мирянами «История франков» и «Церковная история» снабжают нас примерами совершенно разного свойства. Для Григория Турского сообщения о наследовании между родными братьями всегда сопряжены с некими трудностями. Так, Хлотарь I не верит саксам, обещающим продолжить выплату дани, которую ранее они платили его братьям и племянникам [20, с. 89]. Амвросий опасается, что лишится наследства бездетного брата, если он примет духовный сан [9, р. 283]. Нередко наследование сопровождается силовым захватом имущества и власти. Беда Достопочтенный,

Таблица 5

«История франков»	«Церковная история»
«...Наконец <i>по наитию святого духа</i> епископ ответил: «Не бойтесь, люди, вот жив брат мой Апрункул, он и будет вашим епископом...» [20, с. 45].	«...он оставил управлять монастырем своего брата Фуллана и священников Гобана и Дикулла, а сам отошел от дел, чтобы окончить жизнь в отшельничестве...» [23, с. 93]; «...После него монастырем управлял его брат Хад, который впоследствии сделался епископом...» [23, с. 97].

Таблица 6

«...Эрпвальд был убит... Три года в королевстве продолжалась смута, пока на трон не взошел брат Эрпвальда Сигберт, христианнейший и ученейший муж во всех отношениях...» [23, с. 66].	«...Когда Освальд был вознесен в Небесное Царство, его земную власть унаследовал его брат Освиу...» [23, с. 86].
---	--

напротив, воспринимает (и описывает) наследование между братьями как нормальный и неконфликтный процесс. Возможно, причиной этого был сам порядок наследования власти, существовавший у англосаксов [27, с. 27; 28, с. 152]. Автор «Церковной истории» не говорит о каких-либо силовых мерах²⁵ или корыстных планах, которые вынашиваются кем-то из претендующих на наследство братьев, а ситуации перехода власти от брата к брату преподносятся самым тривиальным образом (табл. 6).

В свою очередь, Павел Диакон лишь однажды упоминает о наследовании между родными братьями [15, р. 164–165], что само по себе может свидетельствовать об относительной редкости этой практики у лангобардов (в указанном случае переход власти от брата к брату объясняется бездетностью старшего из них). Так или иначе, судить о понимании писателем подобных ситуаций, основываясь на одном-единственном известии, вряд ли возможно.

Восприятие братских отношений в духовной и мирской среде

Разбор контекстов, в которых тремя авторами эпохи раннего Средневековья упоминаются маркеры родства *frater* и *germanus*, позволяет говорить об определенном разграничении смыслов, вкладывавшихся писателями в демонстрацию братских связей между отдельными персонажами их рассказов.

Именно отношения между духовными братьями представляются основанными на истинной любви, взаимопонимании и поддержке у Григория Турского и Беда Достопочтенного. Вероятно, об этой же «братской любви» единоверцев (лат. *fraterna caritas*) рассуждает в своем письме к епископу Вергилию Лионскому цитируемый Бедой [17, р. 155] папа Григорий I:

«...Обычно мы приглашаем к себе братьев наших из любви к ним, но еще больше любви следует проявлять к тем, кто приходит без приглашения... примите его со всей добротой и любовью, дабы был он ободрен вашим доброжелательством и дабы другие учились бы на вашем примере выражению братской любви...» [23, с. 38]. Показательно, что отношения между самим папой Григорием и монахами его монастыря Беда Достопочтенный определяет как братскую/родственную любовь или приязнь (лат. *germana caritas*) [17, р. 188].

Выражением истинной взаимной привязанности братьев по духу может быть практика поцелуя при встрече, запрет же на общение между ними воспринимается как нечто скверное («попнял страже за такое немилосердие, когда даже повидаться брату с братом не разрешают») [20, с. 224]. Духовные братья делятся друг с другом идеями и планами, они радуются успехам и достижениям собратьев. В связи с упоминаниями о духовных братьях и братствах мы не встречаем указаний на присутствие в отношениях между ними ненависти или обмана. Христианское учение приносило в концепт духовного родства требование смирения и скромности по отношению к новым, истинным братьям верующего члена общины. Диффамация или обличение этих братьев – даже в интересах правдивости исторического повествования – явно не вписывались в представление авторов о пользе их собственных сочинений²⁶, тем более что процедура принятия разумных решений (и ответственности за них) мыслилась как плод коллективного творчества «семьи верующих», а пренебрежение мнением большинства или самостоятельные действия воспринимались в качестве девиации. Излишняя самоуверенность осуждалась и наказывалась – вплоть до исключения из корпорации²⁷. Отказ от сотрудничества

между духовными братьями также оценивался как предательство²⁸. Разумеется, эти подлинные *fratres* должны были всячески защищать друг друга от посягательств извне²⁹.

Фрагменты сочинений, в которых интересующие нас термины отсылают к мотиву кровных родственных связей, нередко нагружены совершенно иными ассоциациями и интонациями. Описание отношений между кровными братьями (особенно в германской среде) предстает у авторов рассматриваемых «Историй» далеким от идеала истинной любви и преданности. Во-первых, мы практически не встречаем сообщений об эмоциональной привязанности между кровными братьями. Напротив, довольно часто (особенно в «Истории франков») термин *brat* фигурирует в сообщениях о неприязненных отношениях героев, о междоусобицах и случаях братоубийства. Среди чувств, которые питали друг к другу кровные *fratres*, Григорий Турский и Павел Диакон упоминают ненависть (лат. *odium* [9, p. 10; 15, p. 138]), а также неоднократные отрицательные оценки действий брата братом. Факт кровного родства, по-видимому, не воспринимается авторами как повод для демонстрации или дополнительного акцентирования каких-либо особых, наиболее интенсивных (в плане эмоциональном) или доверительных (в плоскости политического планирования) связей между братьями³⁰. Напротив, представленные равными в отношении наследования имущества и власти, они часто изображаются прямыми конкурентами. Хотя иногда братья и вынуждены действовать совместно, главным мотивом для них служит корысть, а вовсе не чувство привязанности.

Ни в одном из трех текстов мы не встречаем указаний на критику данного «формата» братских связей внутри той среды (знати германского происхождения), в которой он складывается и функционирует. Осуждением – прямым или косвенным – неподобающего поведения кровных братьев в рамках рассмотренных нарративов заняты либо сами рассказчики, либо персонажи из числа священнослужителей. Их реакция, вероятно, опосредована той моделью отношений, которая базируется на идее «родства по вере» или, во всяком случае, сочетает два уровня манифестации братских связей – плотский и духовный.

Интересным примером подобной контаминации родства реального и родства символического может служить эпизод «Церковной истории народа англвов», в котором Бедой описан случай чудесного избавления от оков – благодаря молитвам брата-священника – одного пленного воина знатного происхождения [18,

p. 118–125]. Последний уверен, что именно заступничество родного брата, творящего (по ошибке) частые заупокойные мессы за пленника, позволяет избавляться от цепей всякий раз, как враги пытаются сковать его. Как сообщает Беда: «После этого он вернулся на родину, где встретил брата и рассказал ему обо всех своих бедах и об избавлении от них; из рассказа брата он понял, что оковы действительно спадали с него, когда за него служились мессы. Посему он решил, что другие блага и удачи, случившиеся с ним в моменты опасности, также дарованы ему Небом благодаря заботе его брата и принесению святой жертвы» [23, с. 137].

Чувство братской привязанности в этом рассказе Беды Достопочтенного соотнесено с принадлежностью одного из братьев к числу священнослужителей, молитвы об искуплении души якобы умершего близкого родственника оборачиваются телесным спасением, которое, в результате, должно подвигать иных христиан «к большей вере и благочестию, к молитве и милосердию и к принесению дара жертвы Господней в святом причастии ради избавления своих близких, покинувших этот мир» [23, с. 137]. Кровное родство конвертируется в интенсивное духовное заступничество, а то, в свою очередь, материализуется в осязаемом чуде, пробуждающем большее благочестие у всех, кто продолжает заботиться о собственных умерших родственниках. Земной и небесный порядок самым неслучайным образом пересекаются.

Работа частично поддержана грантом (соглашение от 27 августа 2013г. № 02.В.49.21.0003 между МОН РФ и ННГУ).

Примечания

1. Все три рассматриваемых нами автора были, так или иначе, сопричастны тому интеллектуальному фону, на котором создавались и впоследствии обрели популярность знаменитые «Этимологии» («Начала») Исидора Севильского [1]. Григорий Турский был старшим современником Исидора Севильского. Оба они были епископами и происходили из среды местной романизированной аристократии. Это позволяет нам предположить определенную общность восприятия родства, основанную на позднеримском/античном подходе. Павел Диакон и Беда Достопочтенный не были современниками Исидора Севильского, но были знакомы с его трудами и высоко ценили их [2, p. 606, 3, с. 46–47].

2. Беда Достопочтенный ни в одном из своих основных произведений не использует слово *germanus*. Григорий Турский употребляет его в «Житиях Отцов» [6, p. 217, 260, 280, 291], Павел Диакон – в «Римской истории» [7, p. 101, 111, 113, 115, 119–121, 123, 126] и «Деяниях мецких епископов» [8, p. 265, 267].

3. Дополнительным свидетельством этого может служить тот факт, что слово и производные от него не отмечены в словарях средневековой латыни Дюканжа и Нирмейера.

4. Из девяти групп братьев, обозначенных словом *germanus*, мы можем точно утверждать родство, по крайней мере по отцу, для шести: Торисмонда, сына короля готов Теодора, и его братьев, Григория Турского и его брата Петра, королей Гунтрамна, Сигиберта и Хильперика, сына Ваддона, графа Сента, и его братьев, Аредия, аббата в Лиможе, и его брата [9, 48–50, 200, 328–329, 371–372, 374]. Это позволяет предположить, что и остальные три пары (Ницетий, граф Бордо, и Рустик, епископ Эрский; Бертегунда и Бертрамн, епископ Бордо; Рагнемод, епископ Парижский, и пресвитер Фарамод, [9, р. 350–352, 451–454] также являлись родными не только по матери.

5. Гунтевка, жена короля Хлодомера, оставляет детей их бабушке по отцу Хродехильде, несмотря на то, что ее второй супруг Хлотарь – родной брат ее первого мужа; так же поступает и Транквилла, жена Сихара, вступая во второй брак [9, р. 102–103, 433]. Тетрадия и Бертегунда, уходя из семьи, берут с собой одного из сыновей, но те вскоре возвращаются к отцам [9, р. 451–454, 489–491].

6. Возможно, что при мерovingском дворе существовали особые правила номенклатуры родства по отношению к королю. Например, для терминов *genetrix* и *germana* замечена та же особенность: в прямой речи мать и сестра короля именуется только этими терминами [9, р. 76–78, 421, 434–439, 489–491].

7. Существует предположение, что Григорий Турский специально использовал разговорную латынь, чтобы расширить читательскую аудиторию «Истории франков» [11, р. 8].

8. В «Истории франков» *germanus* встречается всего 11 раз по сравнению со 183 упоминаниями о *frater* или *fratres*. Подобная тенденция сохраняется и в «Vite Patrum»: на 49 упоминаний *frater* там приходится 6 использований *germanus*. В «Истории лангобардов», напротив, преобладает *germanus*: 28 по сравнению с 16 упоминаниями *frater*. В «Gesta episcoporum Mettensium» Павел Диакон по одному разу употребляет и тот и другой термин. В «Historia Romana», напротив, термин *frater* (68 случаев) используется чаще, чем *germanus* (12 случаев), однако компилятивный характер этого текста не позволяет считать данную статистику репрезентативной. Беда Достопочтенный использует *germanus* только в качестве прилагательного при *frater*. Этот факт можно объяснить тем, что, с одной стороны, латынь для Беда была прежде всего явлением письменной культуры, и у него она наиболее близка к классическим нормам. С другой стороны, подобное уточнение может являться калькой с древнеанглийского сочетания *æwege brodor*, использовавшейся для обозначения братьев с двумя общими родителями [12, р. 236]. Кроме того, Беда мог руководствоваться и необходимостью дополнительно разграничивать духовное (более привычное для человека, прошедшего всю сознательную жизнь в монастыре) и кровное братство.

9. Одной из причин для подобного размежевания мог быть небывалый рост количества монашеских общин в этот период. Дж. Шуленберг в своей статье при-

водит конкретные статистические данные, свидетельствующие о всплеске монашеской традиции в VI–VII вв. во Франкском королевстве [13, р. 266].

10. Среди *germani* присутствуют и другие духовные лица: прежде всего сам Григорий Турский и его брат диакон Петр, Рустик, епископ Эрский, Бертрамн, епископ Бордо, Рагнемонд, епископ Парижа и пресвитер Фарамонд.

11. К ним относятся герои ранней истории лангобардов – первые герцоги лангобардов Ибор и Айон, король герулов Родуальд и его неизвестный по имени брат. Среди лиц, чье происхождение от одного отца установлено точно, можно упомянуть королей франков Сигиберта и Хильперика, самого Павла Диакона и его брата Арихия, королевы Теуделинды и ее брата Гундоальда.

12. В «Истории франков» термин встречается 183 раза, в «Церковной истории» – 115 раз, в «Истории лангобардов» – 16 раз.

13. В «Истории франков» с этим значением связано 144 упоминания, что составляет 79% от общего числа случаев его использования. В «Истории лангобардов» *frater* имеет это значение в 13 из 16 случаев (80%). В «Церковной истории» термин 49 раз используется в значении степени кровного родства, что составляет «всего лишь» 43% от общего числа употреблений.

14. Исключением является рассказ Павла Диакона о братьях Айоне, Родуальде и Гримвальде: «...вождем самнитов стал его сын Айо, а Радуальд и Гримвальд обещали ему следовать за ним во всем, как за своим старшим братом и господином...» [19, с. 140] Однако Родуальд и Гримвальд были приемными детьми отца Айона, что может объяснять их подчиненное положение. Ср. библейский сюжет об Иосифе и его братьях: «...как будто, когда он вязал снопы, снопы братьев поклонялись его снопу...» [20, с. 11]. Однако в библейском сказании подобное «выделение» Иосифа было воспринято братьями негативно.

15. Под *контекстом* мы понимаем «фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы, являющийся непротиворечивым по отношению к общему смыслу данного текста» [22, с. 238].

16. Даже своего учителя-монаха Беда Достопочтенный называет *братом* [18, р. 25–28].

17. Аббаты монастырей как равные также обращались друг к другу «брат» [18, р. 280–283].

18. Так же поступает и архиепископ Кентерберийский Теодор: «...я, Теодор... возведенный апостольским престолом в епископы Дорувенской церкви, и наш сосвятитель и достопочтеннейший брат Бизи, епископ восточных англов; наш брат и сосвятитель Вилфрид, епископ нортумбрийского народа...» [23, с. 118].

19. Понятие конфликта толкуется нами расширительно, по аналогии с его определением в «Словаре» Ожегова [24, с. 525].

20. Григорий Турский, говоря о конфликтах между арианами, не приводит комментариев, которые были бы интересны для нас. Исключение составляет война между королем-арианином Леовигильдом и его сыном-католиком Герменегильдом [9, р. 243–245].

21. Григорий Турский выступает на стороне королевской власти, когда оправдывает Гунтрамна, изгнавшего епископа Мундериха Лангского за помощь брату короля Сигиберту в период войны между ними [9, р. 200–203].

22. В «Церковной истории» Беда также встречается одно упоминание о конфликте между братьями Эорпвальдом и Сигебертом, королями Восточной Англии [17, р. 292–295]. Однако большинство исследователей, основываясь на сведениях Уильяма Мальмсберийского, а также на имени Сигеберта и том факте, что его мать была второй женой короля Редвальда, считают его не родным сыном последнего, а пасынком [25, р. 67–68; 26, р. 51].

23. Даже сам Григорий Турский, не питавший любви к епископу Бадегизилу, называет обвинения Фредегонды «гнусными жалобами» (лат. *nefandae accusationes*) [9, р. 337].

24. Григорий Турский демонстрирует систему «двойных стандартов» в вопросе перехода по наследству церковных должностей: хотя сам он с гордостью рассказывает, что, за исключением пяти человек, все турские епископы находились с ним в родстве, епископу Феликсу Нантскому он отказывает в благословении его племянника на занятие его же (Феликса) кафедры. В случае с епископом Сидонием Клермонским, несмотря на «одобрение» святого духа, его брат так и не получил его кафедру [9, р. 285].

25. Исключением являются только два сообщения, где Беда использует глаголы, производные от *capere*. Однако использование этих глаголов скорее говорит не об отрицательном восприятии наследования между братьями, а о политической ситуации, в которой это наследование имело место [17, р. 292–295, 393–398].

26. Автор «Истории франков» в одном из случаев избегает даже упоминания о «неправедных делах» своих духовных собратьев («дабы не казалось, что я клевету на свою братию» [20, с. 120]). Григорий, разумеется, не может полностью воздержаться от осуждения неподобающего поведения некоторых епископов, но критикует их от имени третьих лиц: «...Когда же во второй раз Палладий и Бертрамн были приглашены на королевскую трапезу, они поочередно в раздражении бросали друг другу многочисленные упреки в прелюбодеянии и распутстве, и даже в клятвopеступлениях. Многие смеялись по этому поводу, но некоторые, более дальновидные, сокрушались, что вот так среди епископов господних начинают произрастать диавольские плевелы...» [20, с. 223]. В «Истории франков» присутствуют также примеры, когда духовные братья и сам Григорий Турский восхваляют друг друга перед третьими лицами [9, р. 378–379, 380–383]. Беда Достопочтенный в «Церковной истории» вообще воздерживается от сколь-нибудь жесткой критики священнослужителей (понятным исключением является кельтское духовенство). Только в одном месте Беда приводит слова Айдана (будущего епископа Линдисфарнского), который очень мягко указывает на ошибку своего предшественника в просвещении англов Нортумбрии [17, р. 344–348].

27. Виктор, епископ Сен-Поль-Труа-Шато, был отлучен от церковного общения за то, что простил (из соображений милосердия) своих обидчиков, которых

обвинял перед собранием епископов, без согласия членов этого собрания [9, р. 227–229]. Для монаха одного из монастырей Британии, судя по рассказу Беда, пренебрежение советами братьев обернулось после смерти попаданием в ад [18, р. 276–278].

28. Беда Достопочтенный прямо связывает отказ кельтских епископов сотрудничать с католической миссией и последующее нападение на них короля Нортумбрии (язычника) Эдильфрида: «поскольку они не хотели принять мир от своих братьев, они получили войну от врагов» [17, р. 204–212].

29. Совет епископов готов отлучить от церкви короля Хильперика за клевету на Григория Турского [9, р. 259–263]. После отказа короля присутствовать на мессе, которую служил епископ Палладий, епископы, «смущенные унижением брата», вступаются за него перед королем [9, р. 375]. Иногда сам Господь наказывает за оскорбление своего епископа [9, р. 378–379].

30. Григорий Турский сообщает о заключении кровными братьями письменных договоров друг с другом, а также о клятвах верности, подобным тем, что приносились людьми, не связанными между собой родством [9, р. 138–139, 295, 374–375]. Но даже эти договоры и клятвы регулярно нарушались родными братьями.

Список литературы

1. Исидор Севильский. Этимологии. Книга IX: О языках, народах, правлениях, войске, гражданах, родстве / Пер. с лат. и коммент. А.А. Павлова // *Antiquitas Aeterna*. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 4. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. С. 535–548.
2. Laistner M.L.W. *The Library of the Venerable Bede // Bede, His Life, Times and Writings* / Ed. by A. Hamilton Thompson. Oxford: Clarendon Press, 1935. P. 237–266.
3. Дворецкая А.Я. Павел Варнефрид как историк и этнограф (к вопросу о влиянии позднеримской культуры на мировоззрение писателя) // *Античный мир и археология*. 1979. № 4. С. 31–62.
4. *Oxford Latin Dictionary* / Ed. by A.N. Bryan-Brown. Oxford: Clarendon press, 1968. 2126 p.
5. Дворецкий И.Х. *Латинско-русский словарь*. М.: Рус. яз. Медиа, 2003. 846 с.
6. *Gregorii Florenti Vitae Patrum* / Ed. by B. Krusch // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum Rerum Merovingicarum*. V.1. P. 2. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1885. P. 211–294.
7. *Pauli Historia Romana* / Ed. by J.B. Hirschfeld // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum Rerum Germanicarum in usum scholarum*. Berolini: Wiedmannos, 1879. P. 1–135.
8. *Pauli Gesta episcoporum Mettensium* / Ed. by G.H. Pertz // *Monumenta Germaniae Historica*. T. 2. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1829. P. 261–270.
9. *Gregorii Episcopi Turonensis Historiarum libri X* / Ed. by B. Krusch, W. Levison // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum Rerum Merovingicarum*. V. 1. P. 1. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1869. P.1–537.

10. Савукова В.Д. «История франков» как литературный памятник // Григорий Турский. История франков / Пер. с лат. и коммент. В.Д. Савуковой. М.: Наука, 1987. 461 с.
11. Mitchell K., Wood I. Preface // *The World of Gregory of Tours* // Ed. by K. Mitchell, I. Wood. Boston: Brill, 2002. P. 3–10.
12. Lancaster L. Kinship in Anglo-Saxon Society. Part 1 // *The British Journal of Sociology*. V. 9. 1958. № 3. P. 359–377.
13. Schulenburg J.T. Women's Monastic Communities, 500–1100: Patterns of Expansion and Decline // *Signs*. V. 14. 1989. № 2. P. 263–270.
14. Bitel L.M. Women in the Early Medieval Europe 400–1000. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 326 p.
15. Pauli Historia Langobardorum / Ed. by G.H. Pertz // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Langobardicarum et Italicarum*. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1878. P. 45–219.
16. Du Cange Ch. D. Glossarium Mediae et Infimae Latinitatis. V. 3. Niort: L. Favre, 1884. 642 p.
17. Baedae Opera Historica / Ed. by J. Heinemann. Massachusetts: Harvard University Press, 1962. T. 1. 505 p.
18. Baedae Opera Historica / Ed. by J. Heinemann. N.Y.: G.P. Putnam's Sons, 1930. T. 2. 517 p.
19. Павел Диакон. История лангобардов / Пер. с лат. Ю. Циркина. СПб.: Азбука-классика, 2008. 320 с.
20. Григорий Турский. История франков / Пер. с лат. и коммент. В.Д. Савуковой. М.: Наука, 1987. 461 с.
21. Niermeyer J.F. *Mediae latinitatis lexicon minus*. Leiden: E.J. Brill. 1976. P. 807–808.
22. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Большая Российская энциклопедия, 1988. 683 с.
23. Беда Достопочтенный. Церковная история народа англос / Пер. с латинского, вступит. статья, комментарии В.В. Эрлихмана. СПб.: Алетейя, 2001. 363 с.
24. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1991. 915 с.
25. Yorke B. *Kings and Kingdoms of Early Anglo-Saxon England*. London: Seaby, 1997. 218 p.
26. Kirby D.P. *The Earliest English Kings*. London–New York: Routledge, 2000. 258 p.
27. Мельникова Е.А. Меч и лира: Англосаксонское общество в истории и эпосе. М.: Мысль, 1987. 203 с.
28. Глебов А.Г. Англия в раннее Средневековье. СПб.: Евразия, 2007. 288 с.
29. Guillelmi Malmesburiensis Monachi De gestis regum Anglorum / Ed. T.D. Hardy. L.: Sumptibus Societatis, 1840. 388 p.

**ON THE PERCEPTION OF KINSHIP IN THE EARLY MIDDLE AGES
(AS EXEMPLIFIED BY THE CONCEPTS *GERMANUS*, *FRATER* AND *FRATERNITAS*
IN THE HISTORICAL WORKS OF GREGORY OF TOURS, THE VENERABLE BEDE,
AND PAUL THE DEACON)**

Yu.E. Vershinina, A.N. Maslov

In this paper, we examine the basic concepts of blood and spiritual brotherhood in order to clarify the features of their use and functioning in Gregory of Tours' «History of the Franks», Bede's «Ecclesiastical History of the English People» and Paul the Deacon's «History of the Lombards». Based on the statistical analysis, the semantics of the terms in these works is elaborated. With the help of contextual analysis the authors discuss the characteristics of constitution and the basic functions of the blood and spiritual kinship, as well as its perception during the Early Middle Ages.

Keywords: perception of kinship, brotherhood, Early Middle Ages, Gregory of Tours, Venerable Bede, Paul the Deacon.

References

1. Isidor Sevilskiy. Etimologii. Kniga IX: O yazyikah, narodah, pravleniyah, voyske, grazhdanah, rodstve / Per. s lat. i komment. A.A. Pavlova // *Antiquitas Aeterna. Povolzhskiy antikovedcheskiy zhurnal*. Vyip. 4. Nizhniy Novgorod: Izd-vo NNGU im. N.I. Lobachevskogo, 2014. S. 535–548.
2. Laistner M.L.W. The Library of the Venerable Bede / M.L.W. Laistner // *Bede, His Life, Times and Writings* / Ed. by A. Hamilton Thompson. Oxford: Clarendon Press, 1935. P. 237–266.
3. Dvoretzkaya A.Ya. Pavel Varnefrid kak istorik i etnograf (k voprosu o vliyaniy pozdnerimskoy kulturyi na mirovozzrenie pisatelya) // *Antichniy mir i arheologiya*. 1979. № 4. S. 31–62.
4. Oxford Latin Dictionary / Ed. by A.N. Bryan-Brown. Oxford: Clarendon press, 1968. 2126 p.
5. Dvoretzkiy I.H. Latinsko-russkiy slovar. M.: Rus. yaz. Media, 2003. 846 s.
6. Gregorii Florenti Vitae Patrum / Ed. by B. Krusch // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Merovingicarum*. V.1. P. 2. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1885. P. 211–294.
7. Pauli Historia Romana / Ed. by J.B. Hirschfeld // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Germanicarum in usum scholarum*. Berolini: Wiedmannos, 1879. P. 1–135.
8. Pauli Gesta episcoporum Mettensium / Ed. by G.H. Pertz // *Monumenta Germaniae Historica*. T. 2. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1829. P. 261–270.
9. Gregorii Episcopi Turonensis Historiarum libri X / Ed. by B. Krusch, W. Levison // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Merovingicarum*. V. 1. P. 1. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1869. P. 1–537.
10. Savukova V.D. «Istoriya frankov» kak literaturniy pamyatnik // Grigoriy Turskiy. Istoriya frankov / Per. s lat. i komment. V.D. Savukovoy. M.: Nauka, 1987. 461 s.

11. Mitchell K., Wood I. Preface // *The World of Gregory of Tours* // Ed. by K. Mitchell, I. Wood. Boston: Brill, 2002. P. 3–10.
12. Lancaster L. Kinship in Anglo-Saxon Society. Part 1 // *The British Journal of Sociology*. V. 9. 1958. № 3. P. 359–377.
13. Schulenburg J.T. Women's Monastic Communities, 500–1100: Patterns of Expansion and Decline // *Signs*. V. 14. 1989. No. 2. P. 263–270.
14. Bitel L.M. *Women in the Early Medieval Europe 400–1000*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 326 p.
15. Pauli *Historia Langobardorum* / Ed. by G.H. Pertz // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Langobardicarum et Italicarum*. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1878. P. 45–219.
16. Du Cange Ch. D. *Glossarium Mediae et Infimae Latinitatis*. V. 3. Niort: L. Favre, 1884. 642 p.
17. *Baedae Opera Historica* / Ed. by J. Heinemann. Massachusetts: Harvard University Press, 1962. T. 1. 505 p.
18. *Baedae Opera Historica* / Ed. by J. Heinemann. N.Y.: G.P. Putnam's Sons, 1930. T. 2. 517 p.
19. Pavel Diakon. *Istoriya langobardov* / Per. s lat. Yu. Tsirkina. SPb.: Azbuka-klassika, 2008. 320 s.
20. Grigoriy Turskiy. *Istoriya frankov* / Per. s lat. i komment. V.D. Savukovoy. M.: Nauka, 1987. 461 s.
21. Niermeyer J.F. *Mediae latinitatis lexicon minus*. Leiden: E.J. Brill. 1976. P. 807–808.
22. *Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar. Yazykoznanie* / Pod red. V.N. Yartsevoy. M.: Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya, 1988. 683 s.
23. Beda Dostopochtennyiy. *Tserkovnaya istoriya naroda anglov* / Per. s. latinskogo, vstupit. statya, komentarii V.V. Erlihmana. SPb.: Aleteyya, 2001. 363 s.
24. Ozhegov S.I. *Slovar russkogo yazyka* / Pod red. N.Yu. Shvedovoy. 23-e izd., ispr. M.: Rus. yaz., 1991. 915 s.
25. Yorke B. *Kings and Kingdoms of Early Anglo-Saxon England*. London: Seaby, 1997. 218 p.
26. Kirby D.P. *The Earliest English Kings*. London – New York: Routledge, 2000. 258 p.
27. Melnikova E.A. *Mech i lira: Anglosaksonskoe obschestvo v istorii i epose*. M.: Myisl, 1987. 203 s.
28. Glebov A.G. *Angliya v rannee Srednevekovye*. SPb.: Evraziya, 2007. 288 s.
29. Guillelmi Malmesburiensis *Monachi De gestis regum Anglorum* / Ed. T.D. Hardy. L.: Sumptibus Societatis, 1840. 388 p.